

Лингвистические взгляды Данте

С именем Данте связано начало итальянской культуры в том новом для средневекового сознания качестве, которое определяется впоследствии как национальная традиция — традиция, очерченная кругом своего языка и литературы на этом языке.

Для народов средневековой Европы не существовало проблемы нации как таковой; хотя национальные культуры и языки развивались непрерывно, представления о самоценности отдельных культур и об их специфических различиях с трудом пробивали себе дорогу сквозь «толщу объективирующего мышления», склонного рассматривать сам феномен (культуру) как некий объект — вечный, неизменный и не зависящий от своего носителя [Бицилли 1919, с. 140]. Данте, опережая историческую мысль своего времени, обозначил контуры этой проблемы, обратив внимание как раз на субъекта деятельности, и выделил в качестве одного из слоев общественного бытия ту сферу, где поведение индивида регулируется не универсальными понятиями добра и зла и не гражданскими законами, а обусловлено его принадлежностью к определенной этнической общности со своими, только ей присущими моделями поведения. К этой сфере, которую мы связываем с расплывчатым понятием «национальное», Данте относил обычаи, нравы и язык Данного народа («народный язык» — лат. *vulgare*, итал. *volgare*), справедливо усматривая в языке главные проявления этого особого модуса национальной жизни, или — выражаясь языком самого Данте — наших поступков в качестве италийцев, как он пишет в

/10/

трактате «О народном красноречии»¹: «...поскольку мы поступаем как италийцы, у нас имеются известные простейшие признаки (*simplicissima signa*) и обычаев, и нравов², и речи, по которым измеряются и оцениваются поступки италийцев» (I. XVI. 3).

Отсюда — дантовский интерес к философским проблемам онтологии языка и к фактическому состоянию конкретного языка, которые были бы сопоставимы с категориями двух других уровней социальной действительности — общечеловеческой добродетелью и гражданским законом. Это и составило основное ядро концепции языка, известной в истории лингвистики как теория *vulgare illustre*.

О ее значении замечательный историк античности и средневековья П. М. Бицилли писал: «Момент, когда Данте задумался над проблемой *vulgare illustre*, следует считать поворотным пунктом в истории европейской культуры» [Бицилли 1925, с. 62].

К этой проблеме Данте обращался дважды: в монографическом трактате *De vulgari eloquentia* («О народном красноречии», далее сокращенно VE) и во вводной главе другого прозаического трактата, более широкого по своей тематике — *Convivio* («Пир»). Оба трактата (оставшиеся незаконченными) были написаны в первое десятилетие XIV века³, до создания «Божественной комедии», масштаб которой определил сам Данте, назвав ее священной поэмой (*sacrato poema*), «отмеченной и небом и землей», а значение столь же лаконично определил другой поэт семь веков спустя, назвав поэму «памятником из гранита, воздвигнутым в честь гранита» [Мандельштам 1967, с. 17].

1 Ссылки на этот трактат далее даются в тексте без повторения названия. Латинский текст *De vulgari eloquentia* цитируется по изданию П. В. Менгальдо [Mengaldo 1979] и в необходимых случаях по изданию [Marigo 1957]; при ссылках на комментарии мы указываем имя издателя в круглых скобках: (напр.: Marigo с указанием страницы). Ссылки на «Пир» (*Convivio*) даются также в тексте (с указанием названия «Пир» и места трактата) по изданию [Vasoli 1988]; мы пользовались также комментарием к изд. Дж. Буснелли и Дж. Ванделли [Busnelli 1934-1937]. Русские переводы трактатов цитируются по изд. [Голенищев-Кутузов 1968]: с. 112-169 («Пир», пер. А. Г. Габричевского, пер. канцон И. Н. Голенищева-Кутузова); с. 270-304 («О народном красноречии», пер. Ф. А. Петровского); с. 305-362 («Монархия», пер. В.П.Зубова). О рукописной традиции VE, основных изданиях и переводах см. наше Приложение 1.1.

2 Мы отступаем здесь от буквального перевода Ф. А. Петровского «обычаев и одежды». Как показала М. Корти, выражение *mores et habitus* в текстах дантовского времени выступало как формула со значением «нравы и обычаи». См. [Corti 1982, p. 56-57]. О переводе *simplicissima signa* см. ниже с. 78-79.

3 Приведем датировку этих трактатов в современных критических изданиях. А. Мариго датирует VE между 1303 и 1305 гг. (Marigo, p. XXII-XXIII), той же датировки придерживается автор новейшего и признанного более авторитетным издания — П. Менгальдо (см. сборник его дантоведческих работ, включающий предисловие к VE [Mengaldo 1978, p. 19-22]). «Пир» — между 1304 и 1307 г. (Busnelli, p. XIX; Vasoli, p. XIV-XV).

/11/

Поэтому трактат Данте, излагающий его учение о народном языке, можно рассматривать как проект памятника в честь итальянского языка, его рабочий чертеж или, если угодно,

рецепт сотворения вещи, описывающий весь процесс — от порождения материала до советов по ее украшению⁴ — рассчитанный на грамотного специалиста (что, по всей видимости, и определило выбор латинского языка в качестве языка описания).

Ученое сочинение, написанное на латыни, — явление столь естественное и нормативное для культуры рассматриваемого периода, что большинство исследователей даже не обсуждают всерьез вопроса о языке, на котором написан трактат, как бы исключая саму возможность альтернативного решения. П. В. Менгальдо, пожалуй, одним из первых обратил внимание на то, что Данте, по сути дела, «нарушает» уже сложившуюся практику составления грамматических пособий и различных руководств по поэтике и риторике на новых языках [Mengaldo 1978, p. 48], начатую в провансальских трактатах конца XII — начала XIII вв.⁵ В самой Италии, отчасти под влиянием знаменитой юридической школы в Болонье с характерным для нее интересом к прагматике речи (не только устной, но и письменной), на протяжении XIII века интенсивно развивалась эпистолярная, политическая и юридическая проза на *volgare*⁶. Наряду с практическими пособиями, широко известными письмовниками и образцами публичных речей, составленными болонским «maestro in grammatica» Гвидо Фава в первой половине века, особое значение приобрела «переводная» риторическая литература, свидетельствующая о том, что красноречие, лишившееся публики в средние века [Гаспаров 1986, с. 96], вновь ее обретало. Несмотря на то что в наших знаниях о литературе XIII века имеется немало лакун и целый ряд текстов еще не опубликован, наличие таких произведений, как «Цвет риторики» (*Fiore di Ritorica*) Фра Гвидотто из Болоньи, компендиум псевдоцицероновской «Риторики к Гереннию» (или «Новой риторики», как ее называли в средние века), а также «Риторика» (*La Rettorica*) Брунетто Латини, представляющая собой комментированный перевод

4 О средневековых правилах составления рецептов см. [Харитонович 1982].

5 О первых окситанских и французских грамматиках см. [Черняк 1991; 1991a], о провансальских трактатах XII-XIVvv. по поэтике [Григина 1986; 1993].

6 Вопрос о соотношении текстов на латинском и народном языке в ранний период формирования итальянского литературного языка (в итальянской традиции этот период обозначается термином *Le Origini* — «Истоки» или *Duecento*, в русской традиции: Дудженто — XIII век) рассматривается во всех историях итальянской литературы и в трудах по истории итальянского языка; о языке прозы этого периода см. [Kristeller 1946; 1985].

/12/

первых семнадцати глав цицероновского учебника *De inventione* («О нахождении материала», известного также под названием «Старая риторика») позволяет говорить о

существовании традиции сочинений на *volgare* в области риторики, традиции в количественном отношении пока еще скромной, но достаточно известной и авторитетной (см. [Grayson 1963], [Nencioni 1967]; о латинских руководствах этого же времени см. во II ч. наст. книги с. 176-177).

Помимо этого общего фона на возможность альтернативного решения прямо указывает второй дантовский трактат — «Пир», написанный по-итальянски. Вопрос о выборе языка для этого трактата составляет содержание целой главы, служащей введением к основному тексту (который, по замыслу, должен был состоять из 14 книг, построенных по одинаковой схеме: канцона, написанная Данте специально для «Пира» или же ранее, и прозаический комментарий к канцоне). Данте не удалось полностью осуществить этот замысел, и дошедший до нас текст состоит лишь из четырех книг. Сам факт обращения к «простонародному языку» говорит о том, что «Пир» рассчитан на свою национальную аудиторию, на сравнительно широкий круг читателей, не особенно сведущих в латыни (и в этом смысле необразованных — *illiterati*), в отличие от латинских трактатов, предназначенных для международной ученой аудитории. Однако если бы выбор «демократического» языка был обусловлен только ориентацией на соответствующего адресата и просветительскими задачами автора, этот выбор едва ли потребовал бы столь обстоятельной аргументации, поскольку такая же мотивировка определила появление уже существовавшей дидактической литературы на новых языках. Аллегорическая поэзия, нравоучительная и энциклопедическая проза выполняли посредническую функцию между высокой средневековой (латинской) ученостью и интеллектуальными запросами *illiterati*. Правда, как раз итальянской прозе этого рода приходилось преодолевать опередившую ее традицию французской прозы. Так, один из наиболее популярных компендиумов, рассчитанный на самые разнообразные вкусы и интересы, «Книга сокровищ» (1262-1266), была написана флорентийским нотариусом и политическим деятелем Брунетто Латини по-французски. Мотивируя свой выбор, Брунетто прибегает к стандартной для таких случаев формуле и говорит, что французский язык (*roumanc*) «*est plus delictable et plus commune à tous langages*» (*Trésor* LI.7).

Энциклопедии XIII века [Ольшки 1933-1934, II, с. 10-17; Пекин 1985], представляющие собой компиляции из разных латинских источников, подобные французскому «Сокровищу» Брунетто (вскоре переведенному на итальянский) или состязаемому с ним

/13/

в популярности итальянскому сочинению о мироздании (*Composizione del mondo*, 1282) Ресторо д'Ареццо [Restoro d'Arezzo, 1976], покрывали довольно широкий диапазон тем, так что ко времени создания трактатов Данте «вульгарная» проза освоила уже не только область филологии (грамматику, риторику, поэтику), но и ряд других религиозных, философских и научных сфер⁷.

От названных образцов общенаучной прозы, хорошо известных Данте, «Пир»⁸ отличается именно тем, что выбор языка становится в нем предметом теоретической рефлексии, а не просто утилитарной мотивировки.

Само появление «ученых» сочинений на новых языках принципиально изменило языковую ситуацию: признак «литературности» перестал быть привилегией одной лишь латыни и, таким образом, для итальянских авторов — современников Данте — выбор языка уже не сводился к присущей средневековому двуязычию дихотомии книжного и простонародного. Ситуация многоязычия в сфере литературной речи выдвинула в качестве первоочередной задачи необходимость новых критериев для ориентации.

В связи с этим во вводной главе «Пира», которую часто называют «апологией *volgare*», рассматриваются такие — принципиальные для понимания языковой ситуации и статуса литературного языка — вопросы, как соотношение латинского и итальянского народного языка, отношение к родному языку, осознаваемому как ценность, и соответственно — к «чужим языкам», т. е. в данном случае к близкородственным языкам соседних стран и культур.

7 В частности, книга Брунетто, наряду с многочисленными историческими и теологическими компиляциями, включала бестиарий и первый перевод на новый язык «Никомаховой этики» Аристотеля. При переводе этой книги на итальянский в нее был включен уже готовый перевод «Этики», сделанный Таддео д'Аль-деротто, о котором нам еще придется упоминать.

8 Название это, вероятно, отражает античную традицию философских «пиров», восходящую к Платону (хотя упоминания его «Пира» у Данте нет, впрочем, название этого диалога и зависимых от него текстов Ксенофонта, Плутарха, Лукиана, Афиня могли быть известны и из вторых рук). Однако в трактате Данте не соблюдается важнейший критерий этого жанра — его диалогичность (о жанровых характеристиках симпозиума см. [Рабинович 1972]).